Как положено требованиями агиографического стиля, Феодосий наделен силой побеждать «нечистыя духи». Это они традиционными для агиографии способами мешали святому «опочинути»: не случайно в рассказе о том, как «злии дуси» «в бубны» били, «в сопели» дули, кричали, наносили ему «раны», Нестор вспомнил переводное житие Антония великого. Изгнанные из «печеры» святого «пронырливии беси» начинают озорничать то в пекарне, где они рассыпали муку, опрокинули закваску, то в хлеве, где они мешают скоту есть, то досаждают иноку Лариону (стр. 29, 35, 45). И всюду на помощь приходит Феодосий, изгоняющий этих «бесов». Однако и сами «пронырливии беси», и способы, какими они пытаются вредить людям, значительно отличаются от «врагов рода человеческого», «демонов» и их искушений, какими их изображают переводные жития, особенно восточные. Бесы в рассказах Нестора способны лишь на мелкие бытовые плутни, сами они скорее напоминают озорных чертей, леших народной сказки и без труда бывают посрамлены святым. Их проделки чаще всего не имеют отношения к религиозным обязанностям иноков, и автор вводит в свое повествование эти эпизоды лишь для того, чтобы подтвердить могущество молитвы Феодосия. С той же целью, следуя за агиографическим каноном, Нестор наделяет Феодосия уже при жизни даром чудотворения, придает, умеренный впрочем, налет чувствительности некоторым сценам, в которых участвует Феодосий: он плачет от радости при встрече с Никоном (стр. 32), от жалости, увидев связанных разбойников, от умиления, одаривая милостыней нищих и убогих (стр. 42), и т. д.

Общая задача жития — прославить Киево-Печерский монастырь и Феодосия, как его строителя, — побудила Нестора отойти от темы общерусского прославления Феодосия и подчеркнуть, что после смерти он будет покровителем только тех, кто умрет в стенах его монастыря. Эта местная тенденция несколько нарушает свойственное агиографическому стилю стремление «свести к некоему абстрактному единству все многообразие действительности».[18] Та значительная роль, какую Киево-Печерский монастырь при Феодосии и после него играл в политической и общественной жизни Киевского государства, побудила Нестора ярко оттенить эту местную тенденцию и тем придать некоторую историчность и самому образу «святости» Феодосия: он и после смерти представлен особо ревнивым к славе своего монастыря, пекущимся в первую очередь именно о его нуждах.

Казалось бы, все требования, какие предъявлял агиографический стиль к изображению святого, соблюдены Нестором. Феодосий наделен всеми чертами идеального подвижника, который постоянно напоминает монастырской братии, что инок должен отречься «от мира» (стр. 30), возненавидеть «мир весь», «никако же пещися о плотнемь» (стр. 28) и заботиться только о «спасении душ наших» (стр. 30). Но рядом с этим «обобщенным воплощением святости» возникает и другой образ Феодосия. Мы увидим не только проповедника отречения от мира, которого Нестор, закончив рассказ о судьбе его матери, обещал представить отвергшим «всякыа мирскиа печали» (стр. 23). Перед нами встанет во весь рост деятельный, энергичный организатор большого монастырского хозяйства. Это именно он на месте, где около пещеры Антония собралось небольшое еще число «первых черноризцев печерских», построил обширный храм, кельи для быстро увеличивавшейся братии, многочисленные хозяйственные постройки, где «пронырливии беси» напрасно пытались «пакости

[18] И. П. Еремин. Киевская летопись, стр. 85.